

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
М87

Мошенцева, Прасковья Николаевна.

М87 Кремлевские пациенты, или Как умирали вожди / Прасковья Мошенцева. — Москва : Алгоритм, 2017. — 256 с. — (Тайны Кремлевской больницы).

ISBN 978-5-906880-85-7

Автор этой книги более тридцати лет работала врачом в Кремлевской больнице: Прасковья Мошенцевой довелось лечить Сталина, Хрущева, Брежнева, Громыко; ее пациентами были маршалы Жуков, Рокоссовский, Василевский, композитор Шостакович, певцы Лемешев и Рейзен, писатели Шолохов и Твардовский, многочисленные «кремлевские жены и дочери».

Именно в Кремлевской больнице готовились медицинские заключения о болезнях и причинах смерти всех советских руководителей и крупнейших деятелей культуры.

П. Мошенцева приоткрывает завесу тайны над тем, как это делалось и что скрывалось за строчками официальных медицинских документов.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906880-85-7

© Мошенцева П.Н., правообладатели, 2017
© ООО «ГД Алгоритм», 2017

*ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ,
или
ШУТКА КЛАССИКА*

На склоне лет сон пропадает и никакие таблетки не могут помочь. Ищу в памяти что-нибудь хорошее, чтобы забыться хотя бы часа на два, на три... То детство вспоминаю, то привычную дорогу в свою бывшую больницу.

На работу я всегда ходила пешком из дома, что в Лаврушинском. Его еще называли «писательским». Шла по Большому Каменному мосту, по Малому Каменному, по Александровскому саду. Потом ныряла в проход и оказывалась на улице, где и стояла наша больница. Одной стороной она выходила на Новый Арбат, тогда это был проспект Калинина. А второй стороной — на улицу Грановского. Больницу так и называли: больница на Грановском или «кремлевка», хотя никакой вывески на здании не было. Очень любила я эти утренние прогулки.

А во сне почему-то всегда вижу другое: молодые лица и умоляющие глаза моих больных во время войны... И снова слышу эти тяжелые слова: «газовая гангрена... столбняк... ампутация...» И снова беру скальпель и режу, режу живую ткань...

Кремлевские больные снятся мне редко... Разве что нога из-за занавески с огромным нарывом на большом пальце, которая тычется мне прямо в лицо. В этот мо-

мент я всегда просыпаюсь и уже наяву начинаю вспоминать, как было на самом деле.

Однажды незнакомый человек позвонил в мою дверь и сказал, что подана машина, уже готовы все инструменты и стерильные материалы, а мне надо срочно собраться. Нам никогда не говорили, куда и к кому нас везут. Не сказали и в этот раз. Задавать вопросы было запрещено. Приехавший сообщил только, что, возможно, придется прибегнуть к небольшому оперативному вмешательству. А в общем — ничего необычного.

И действительно, выезжаем с медсестрой на специальной машине, оборудованной всем необходимым, включая стерильные хирургические инструменты. Стекло у машины такое, что изнутри ничего не видно.

Приехали куда-то за город. Привели нас на второй этаж дома дачного типа. Входим в спальню. В ней почти никакой мебели. Кровать, догадываюсь, за занавеской. Сопровождающий показывает, где мне расположиться.

Огромная и пустая комната и мрачные тяжелые занавески. Еще по пути сопровождающее лицо, человек неопределенной внешности, словно в маске, вежливо сказал:

— Вы должны делать все молча, никаких вопросов и разговоров.

Занавеска раздвинулась, и я увидела ногу. На большом пальце был огромный нарыв. Я стала делать все, что в таких случаях полагается, — обезболела, вскрыла, промыла. Сестра подавала инструменты. Тоже молча. За все время я произнесла самые необходимые слова, чтобы все-таки больной за занавеской услышал:

— Придется часть ногтя удалить.

За занавескою молчали. Ответил сопровождающий:

— Делайте все, что считаете нужным.

Операция длилась около двух часов. Невидимый мужчина лишь иногда судорожно вздыхал — какую-то боль он, конечно, испытывал.

Под конец я сказала, что завтра необходимо приехать еще раз: посмотреть палец, перевязать. Сопровождающий кивнул, поблагодарил меня, и мы уехали.

На следующий день я узнала, что к невидимому пациенту поехал заведующий нашим хирургическим отделением.

Прошло несколько лет. По случаю какого-то праздника в ординаторской устроили чаепитие. Собрались всем отделением. Сидим, разговариваем. Заведующий, Иван Васильевич Дьячков, вдруг меня и спрашивает:

— Вы всех своих пациентов знаете?

Я удивилась.

— Теперь, конечно же, всех.

А это были уже хрущевские времена.

— А вот и нет! — говорит Иван Васильевич, хитро улыбаясь. — Одного не знаете! Помните, вы ездили на вызов вместо меня? По поводу большого пальца на ноге? Знаете, кто это был? Сталин.

Тогда я подумала, что мало кто из нас, врачей, знал Сталина как своего пациента. Здоровым его назвать было нельзя, но и лечиться он не любил: никому не доверял, и, наверное, более всего — врачам.

Сталин был единственным больным-невидимкой. Всех остальных я, конечно, знала в лицо и до сих пор помню. Кого только не приходилось оперировать и лечить за тридцать лет работы в «кремлевке»! Жукова и Рокоссовского, Королева и Шостаковича, Хрущева и Брежнева... А еще Утесова, Лемешева, Яблочкину, Шолохова...

Так и звенит в ушах голос главного врача больницы Беззубика Владимира Григорьевича:

— Прасковья Николаевна, прошу принять одного пациента. Я знаю, больных у вас много, но это особый

случай. Только, пожалуйста, сначала познакомьтесь с историей болезни. Медицинская сестра уже несет ее вам.

А я уже собралась идти домой после суточного дежурства и бесконечной двойной смены. А тут на тебе — снова работа! Конечно, про себя чертыхнулась: «вот эксплуататоры!» Но делать нечего: больной — прежде всего.

Читаю историю болезни: «Шолохов Михаил Александрович...» — и далее на трех последующих страницах расписан диагноз и настойчивая рекомендация врача о немедленной госпитализации. Но, по-видимому, Михаил Александрович не внял совету местного доктора. Далее неровным почерком записано: «Больной категорически отказался от госпитализации и вы проводил врача (это мягко сказано). И так повторялось три дня».

«Ну и ну! — подумала я. — Теперь мне предстоит нелегкий бой со знаменитым писателем. Судя по всему, человек он своевольный, капризный. Да и время на лечение терять не хочет. Вот почему главный врач попросил меня его принять: надеется, что я-то справлюсь с таким пациентом».

Только попыталась собраться с мыслями, как вдали в коридоре показалась каталка с Михаилом Александровичем. Я пошла навстречу, представилась:

— Здравствуйте, Михаил Александрович. Я — ваш лечащий врач, зовут меня Прасковья Николаевна. Что беспокоит в данный момент, как самочувствие?

Шолохов мой вопрос пропустил мимо ушей и авторитетно заявил, что он поступил в больницу только на несколько часов, и приказным тоном добавил:

— Посмотрите меня и сразу же выпишите!

Откровенно сказать, первый раз в моей практике больной ставил врачу подобный ультиматум.

Я решила попробовать его переиграть. А что поделаешь? Шолохов есть Шолохов.

Времени было мало. Сразу же отдала распоряжение сестре:

— Быстро больного в перевязочную!

В перевязочной я осмотрела Михаила Александровича и согласилась с диагнозом поликлиники. У больного был острейший геморрагический артрит коленных суставов. Шолохову я строго сказала:

— Необходима пункция.

Сделав хорошенько обезболивание, приступила к манипуляции. Большие шприцы быстро наполнялись кровянистым содержимым. Я выливала эту жидкость в таз, при этом показывала больному и сокрушенно приговаривала:

— До чего же вы себя довели, Михаил Александрович!

Больной притих. Воспользовавшись паузой, я моргнула сестре, которая догадалась, что ей следует делать. Больного быстро повернули на живот, наложили гипсовые лангеты, хорошо забинтовали и отвезли в палату. Только в палате Шолохов понял — это надолго.

Но, безусловно, ему стало легче. Хитро улыбаясь, вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда вы такая?

— Какая? — удивилась я в ответ.

— А такая... Как волчица, набросились на меня, не дав опомниться, превратив меня в гипсовую статую... И вот я оказался в плену, да у кого? У женщины, хоть милой, но женщины. — Посмотрел на меня внимательно и повторил: — Настоящая волчица!

Тут уж я не выдержала и рассмеялась.

— Михаил Александрович, вы угадали. Я же тамбовская.

Шолохов совсем развеселился, прямо аж залился смехом.

— Вот совпадение — тамбовская волчица...

В общем, лед между нами растаял. Мы быстро нашли общий язык и даже подружились. Михаил Александрович оказался добрейшим человеком. Любил пошутить, держался доступно и просто. Глаза у него были хитроватые, веселые. Когда во время обхода, утреннего или вечернего, я заходила к нему в палату, всегда говорил:

— Прасковья Николаевна! Ну что вы все ходите да ходите... Присели бы на минутку, рассказали бы что-нибудь о себе. Кто вы? Что вы? Как вы? Кое-что я о вас слышал. Но сами-то расскажите что-нибудь. Сядьте.

Как-то во время дежурства я присела возле его кровати.

— Вы же называли меня волчицей... Так вот, расскажу вам про волков. Недаром существует выражение «тамбовский волк».

Шолохов слушал очень внимательно, ни разу не перебил, не задал ни одного вопроса. Потом сказал:

— Знаете что... Вы интересно рассказываете... Но не только сам случай интересный. Вы и писать можете. Пишите!

Я удивилась:

— Как писать?

Он сказал:

— Да вы так рассказали, что я даже запятую нигде бы не переставил.

Я опять спрашиваю:

— Что? Прямо так взять и писать?

Он говорит:

— А что? Вы, наверное, свое настоящее призвание поменяли на профессию доктора.

Конечно, это была шутка. Ему хотелось сказать мне приятное. Но спустя много лет что-то заставило меня сесть за письменный стол и задуматься: кто я? что я? как стала кремлевским хирургом?

ТАМБОВСКАЯ ВОЛЧИЦА

ДЕРЕВНЯ ПАРЕВКА И РЕКА ВОРОНА

Родом я из села Паревка Инжавинской волости Тамбовской губернии. Когда-то давно на месте нашего села стояло глубокое озеро, окруженное лесами. Озеро постепенно высохло, и осталась впадина, по которой проложила себе русло речка Паревка. На правом, крутом ее берегу теснились покосившиеся домишки. Эта сторона села называлась Ключевкой. Здесь было множество родничков. Самый большой бил из отвесной каменистой горы. Родник прозвали святым. Вода из него не портилась годами и считалась целебной.

На другой стороне реки раскинулась основная часть села — Ольховка. Дома здесь стояли в несколько рядов и принадлежали в основном крестьянам зажиточным. Помню, ольховские дети обзывали ключевских голытьбой, задирались, бросали камни. Ключевские не оставались в долгу, пуская в ход комки глины, наклепанные на веточки ивняка, — нечто вроде стрел. Эти снаряды частенько достигали своей цели, так как ключевские занимали более выгодную позицию — стреляли сверху.

Очень украшала окрестности красавица река Ворона, в которую впадали другие, более мелкие реки, сродни нашей Паревке.

Мне довелось объездить много стран, но подобной красоты я нигде не видела. Правый берег, гористый, на многие километры покрытый лесами, являлся как бы

продолжением нашей Ключевки. Леса славились могучими дубами. Как богатыри, возвышались они над другими деревьями. Кроны их смыкались, образуя шатер. В траве синели колокольчики и белели крупные ромашки.

Река, извиваясь и петляя по низине, образовывала на своем пути озера. С вершины горы можно было увидеть островки, заросшие травой и камышами. Во время половодья они скрывались под водой. Помню, что река казалась мне морем. Бывало, идешь вдоль берега и создается впечатление, что вода в реке возвышается над берегами.

В реке водилось много рыбы и раков. Большими стаями летали дикие утки. Ворона была нашей кормилицей, особенно выручала в голодные годы. Кормил и лес, где обитало множество зверей: дикие кабаны, рыжие лисицы, зайцы, медведи. Особенно много было волков, которых в Ключевке остерегались. Они досаждали, как правило, зимой, когда, оголодавшие, ночью подходили к деревне. Обычно нападали всей стаей. Первым пробирался во двор вожак, за ним — остальные. Волчий вой, лай и визг собак, блеяние овец... Иногда волки нападали на людей. Единственным оружием в нашей семье служила железная заслонка от печной трубы. Дедушка брал кочергу и колотил по ней изо всех сил. Звук этот не нравился волкам, но они все равно не уходили без добычи.

Родилась я за четыре года до революции в бедной части села, в полуразрушенной избушке. Говорят, что схватки у моей матери начались в тот момент, когда свекровь выталкивала ее на улицу, а муж старался втолкнуть обратно в дом.

Через несколько дней после родов мама со мной на руках и моей сестренкой, двухлетней Таней, ушла от мужа в дом своего отца. Я завершила счет семейству, которое состояло из шестнадцати человек.

ЛИЦО НА ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

Главой нашего семейства был мой дед — Афиноген Аксенович Трегубов. По сути, он заменил мне отца. Ему в то время не было и сорока пяти. Бабушка Акси-нья вскоре после маминого возвращения умерла от туберкулеза.

Дед родился в семье зажиточной, где был хороший дом, сад, огород, большое поле, лошади, коровы и другая живность. Детей росло двое, и оба мальчики. А дальше — как в сказке. Старший, любимый сын, женился на некрасивой, но богатой. Младший, мой дед, послушался отца и женился по любви — на красивой, но бедной. Отец выгнал сына из родного дома, не дав ничего на обзаведение.

Тогда дед поселился в Ключевке. Земля там была бросовая. Даже за водой нужно было спускаться с горы и идти к далекому колодцу. Да еще по несколько раз в день: надо было и поить скотину, и поливать огород.

Жили все мы в избенке под соломенной крышей, с сенями, сколоченными из тонких жердей. Помню, что пол был земляной. В доме стояли большая печь с полатами, длинный стол, сложенный из досок, лавки. Посредине комнаты — люлька, в углу — разобранный ткацкий станок, а над ним — икона Божьей Матери с лампадой. В сенях держали кочергу, рогач, два больших чугуна, лохань да два деревянных ведра. Больше не было ничего.

Нищета была удручающая. Дети спали в чем ходили. Одежда, мальчиговая и девчоночья, состояла из самотканых конопляных рубашек и штанов.

Летом бегали босиком или ходили в лаптях, которые плел дед. Зимой — одни валенки на троих. Их тоже валяли сами, они переходили от старших к младшим. Нам с сестрой Таней достались валенки несколько раз подшитые, латанные, не по размеру — мы проваливались в них почти с головой. Поэтому на улицу по нужде даже зимой предпочитали бегать босиком. На всю жизнь запомнилось ощущение тающего снега на ногах. Да еще когда бежишь туда и обратно, по пути кого-нибудь толкнешь или сама сядешь голой попой в снег. И все нипочем! У нас даже насморка никогда не было.

Жили дружно. Даже мы, дети, не знали, что такое драка. Все шло от деда. Его слово было законом для семьи. Нет, он не был деспотом, напротив — весь облик его излучал доброту. Она светилась в черных глазах, в улыбке. Он был задумчив, молчалив. Но если уж что скажет, послушаться его никому и в голову не приходило. Вдовцом дедушка остался рано и больше не женился...

— Хорошая, — говорил он, — разве на нашу бедность пойдет? Да и детей слишком много... А жениться на плохой... Так она только раздор принесет.

После Октябрьской революции жить нам стало легче. Мы первыми вступили в колхоз. Дедушку назначили инспектором района по качеству урожая. Он определял сроки посева и сбора урожая. У него были волшебные, необыкновенно чувствительные руки. Он погружал пальцы в почву и на ощупь мог определить, когда надо начинать сеять, когда полоть, когда собирать урожай. В каком-то смысле он был экстрасенсом. Думаю, что именно от деда я унаследовала некоторые экстрасенсорные способности. Мои руки тоже очень чуткие. Может быть, поэтому я и стала хирургом...

Дед дважды избирался делегатом на областной съезд колхозников. А его лицо было запечатлено на советской почтовой марке, которая долгое время была в ходу. Может быть, и сейчас находится в какой-нибудь коллекции.

ЛЕГЕНДА О ПРАДЕДЕ-УБИЙЦЕ

Любопытно, что основателем нашего рода был грек. Как он попал в Тамбовскую губернию, трудно объяснить. Женился на русской и остался в России навсегда. В нем ли дело или в чем другом, но семейные предания хранят много мрачных страниц из истории нашего рода. И якобы особенно страшным человеком был отец горячо любимого мною деда, мой прадед. Он славился невероятной жестокостью. Дедушка совсем с ним не общался, потому что тот насмерть забил его старшую дочь, свою внучку. Звали ее Аксинья. Когда дед уже был выселен из отчего дома, Аксинья зашла в сад, где они жили прежде, и залезла на вишню. Стала рвать ягоды, прадед увидел, поймал девочку и бил до тех пор, пока она не умерла... Вроде бы после этого наша семья порвала с ним всякие отношения.

Ходила по Ключевке и еще одна легенда, а может быть, и не легенда, а быль, которая, передаваясь из уст в уста, обростала все более страшными подробностями, а потом стала преданием.

Прадед жил со старшим сыном Алексеем, которого горячо любил. Красавец, выше среднего роста, стройный, с большими черными глазами, обладающий к тому же прекрасным голосом, он имел успех у женщин.

Рассказывают, что внезапно рядом с домом прадеда вырос еще один дом — кирпичный, двухэтажный.

И жили в нем муж, заядлый охотник, и жена — молодая, красивая, отличная от деревенских. Одевалась она по-городскому, со вкусом и, зная себе цену, держалась со всеми довольно высокомерно. Не упускала случая подчеркнуть и необыкновенную мужнину любовь. И так случилось, что Алексей влюбился в соседку и буквально потерял голову. Они стали любовниками. А в деревне ведь ничего не скроешь... Пошли слухи. Донесли мужу. Тот пригрозил Леше страшной карой.

Прадед прослышал про угрозу и решил убрать любовницу с дороги любимого сына. Когда соседка была одна, он подкрался к дому с охотничьим ружьем и выстрелил через окно. Заряд попал женщине в голову. И, как рассказывают люди, мозги несчастной красавицы разлетелись в разные стороны, налипли на потолок и на стены. У вернувшегося с охоты мужа волосы встали дыбом от этого зрелища.

Женщину похоронили. Муж убитой искал преступника, но безуспешно.

Прошло какое-то время, и соседи стали наблюдать совсем уж жуткую картину. С наступлением темноты за окнами печального дома загорались маленькие огоньки, а у ворот бегала, невесть откуда взявшаяся, большая белая собака.

Напуганные сельчане стали обходить стороной этот дом.

Примерно через год красавец Алексей опять влюбился. На этот раз — в девушку восемнадцати лет, с голубыми глазами, темными ресницами и длинной светлой косой. Звали ее Анной. Родители Анны умерли от тифа, и она жила вдвоем со старшим братом в большой бедности.

Многие парни заглядывались на девушку, но она ни на кого не обращала внимания. Ни в деревенские ком-

пани, ни на гулянья не ходила. Слыла трудолюбивой и скромной, худого слова никто сказать о ней не мог.

Алексей был настойчив и, видно, покорила сердце девушки. В общем, произошло то, чего никто не ожидал — ни мой прадед, который хотел только богатую жену для сына, ни брат Анны, который не сомневался в ее непорочности. Анна забеременела от Леши и родила сына.

Прадед смириться и с этим не мог. Опять задумал ужасное...

Однажды брат, придя с работы, обнаружил сестру мертвой. Ее зарубили топором и сбросили в погреб. На стенах погреба остались следы от окровавленных пальцев. Видимо, какое-то время Анна была еще жива и пыталась выбраться наружу.

Брат бросился к люльке, где лежал ребенок. Она была пуста. Тут он услышал приглушенный плач, доносившийся с кровати. Из одеяла он извлек полузадушенного младенца — он был завернут в одеяло с головой.

На этот раз подозрение в убийстве падало на одного-единственного человека — моего прадеда, отца Алексея. Отыскалась неопровержимая улика — топор с прилипшими к нему длинными светлыми волосами. Он был найден в колодце возле дома. Прадеда посадили. В тюрьме он пробыл полгода и опять появился в деревне. Видимо, его выпустили, потому что, безусловно, он был ненормален, психически болен. А в больницу его нельзя было положить. В ту пору в деревне даже фельдшера не было.

Алексей очень тяжело пережил смерть Анны. Он больше не улыбался, перестал петь. Избегали его не только девушки, но и все жители деревни. Да и ему самому все стало безразлично.

Через некоторое время прадед все-таки женил Лешу на богатой. Но счастья не было, прожили они вместе недолго. Проклятье как будто лежало и на Алексее. Как рассказывают, его убил муж соседки, его первой любовницы. Убил — и сбежал из деревни. Исчез навсегда.

С тех пор кирпичный дом, один из лучших в деревне, стоял заброшенный, пустой. А возле другого дома, где когда-то жила Анна с братом, выла по ночам странная белая собака. Так, по крайней мере, гласит деревенская легенда.

Но неужели этот страшный человек, жестокий убийца и был моим прадедом? Не верю.

ОТЕЦ И АНТОНОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Одно из первых детских воспоминаний — восстание Антонова на Тамбовщине и мой отец на вороном коне. Поначалу Антонова поддерживали в основном зажиточные крестьяне, которым было что терять после установления советской власти. Но потом отряд стал увеличивать численность — в него начали вступать бедняки.

Дед рассказывал, что как раз в это время мой отец, Николай Иванович Татарин, вернулся с нефтяного промысла из Грозного. Однажды ночью в его дом явились антоновцы и предложили вступить в отряд. Говорят, что отец отказывался. Они пригрозили расчитаться с ним, припугнули оружием, и под страхом смерти он согласился.

Антонов был милиционером в Кирсанове, вернее, начальником уездной милиции, членом партии эсеров... Когда началась революция, он вернулся из ссылки, а